обе группы листов вырваны из одной переплетенной тетради размером в одну восьмую листа.

Добавим к этому, что если изучение русского языка могло и прежде показаться герцогу полезным — чтобы получить более непосредственное впечатление о стране, чтобы свободнее вращаться в русском обществе и, быть может, чтобы завоевать общее расположение, льстя таким образом национальному чувству, то теперь, в преддверии женитьбы, знание русского языка становилось для герцога просто необходимым.

Конечно, знания французского языка и до и после женитьбы было вполне достаточно для поддержания сношений с двором и тогдашним петербургским обществом. Однако перспектива заняться в скором времени земельными владениями, принесенными женой, весьма вероятно, оказалась решающим стимулом.

Истинный неаполитанец, он отлично знал, как легко обманывать и быть обманутым, и счел за благо подготовиться к тому, чтобы непосредственно вести дела с управляющими и крестьянами. Но как истинный неаполитанец он был к тому же очень любезен, и мы можем предположить, что знание русского языка он надеялся применить и для менее прозаичных и практических целей: например для перевода «Россиады», который мог быть задуман как изящный свадебный подарок супруге.

Почему он выбрал для перевода именно «Россиаду» — нетрудно понять: от Антонино не укрылось, по-видимому, с какой гордостью говорили тогда о Хераскове, как о поэте, благодаря которому Россия могла, наконец, сказать, что и у нее есть своя эпическая поэма. В обществе, где бывал Антонино, хоть и немногие прочитали «Россиаду», зато многие говорили о ней с удовольствием, даже цитируя из нее отдельные стихи.

Не прошло бы незамеченным, если б в каком-нибудь салоне, подхватив цитированные строки, герцог продекламировал начальные стихи по-итальянски:

Canto da' Barbari la Russia liberata,
messo a' piedi il potere de' Tartari, e l'orgoglio abbattuto,
il moto de' militi, i travagli, la guerra sanguinolenta,
della Russia il trionfo, distrutto Kasan.
Nel giro di quei tempi, dei tranquilli anni il principio,
come una risplendente aurora, nella Russia risplende.
O tu, che volando al disopra delle lucenti stelle,
poetico genio! discendi dagli alti luoghi,
sopra la debole mia, e oscura, opera
diffondi i tuoi raggi, il sapere, il tuo lustro.
Apri, o eternità, a me di questo soggiorno le Porte
ove tutta è rigettata la terrestre vanità...

Этот перевод, изрядно хромающий на обе ноги, с разностопными стихами-калеками, представляет собой лишь первый черновой набросок, к которому Серракаприола предполагал вернуться впоследствии и отделать его подобно тому, как он сделал это с «По-